

НЕБО СЛАВЯН

**100 ВЕКОВ
РУССКОЙ ИСТОРИИ**

Лев Прозоров

ЗАПРЕТНЫЕ БОГИ РУСИ

ЛОЖЬ И ПРАВДА
О РУССКОМ ЯЗЫЧЕСТВЕ

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2016

Ликовали на Почае! В било медное били!
И великих Богов на пиру не забыли:
...Грозному Перуну-громобою
быка за рога сволокли гурьбою!
Дажбогу — владыке дневного неба—
поднесли каравай аржаного хлеба!..
Ветровею-Стрибогу
решето муки натрясли на дорогу!
Рубахе-парню Яриле —
пива-меда котел наварили!
Душе-девице Заре-Зарянице
С поклоном подали воды из криницы!

Виктор Максимов
«Это было на Почай-реке»

Глава 1

Загадка Киевского Пятибожия и ученые

Уникальное свидетельство. Первые попытки осмысления.
«Реформа Владимира»? Киевский Пантеон? Книжная химера?
Открытие киевских археологов. Предположение Рыбакова.
Вопросов все еще больше, чем ответов.

Ни в какой части науки так ярко не высказывался дух систем и априоризма, как в разысканиях о древнейших формах веры. Всякий видел в них то, что ему хотелось найти, от самого грубого фетишизма до самой возвышенной философии. Страсть так легко обманывает людей, что невозможно означить предел, на котором ошибка систематика перестает быть невольною.

А.С. Хомяков, «Семирамида.
История человечества»

Начнем, читатель, со знакомства с главными героями моей книги.

«И нача княжити Володимерь в Киев... единъ, и постави кумиры на холму вн... двора теремнаго: Перуна

древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса Дажьбога, и Стрибога, и Семарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я боги»...

Так говорит «Повесть Временных лет» под 6488 годом от сотворения мира, по нашему летоисчислению — 980. Через три года вокруг этого самого капища произойдет до крайности странная история: сын некоего крещенного в Византии варяга Феодора Иоанн примет участие в выборе по жребию жертв Перуну после удачного похода на ятвягов. Поскольку даже христианские писатели не берутся утверждать, что к этой жутковатой лотерее киевляне кого-то принуждали насильно, мотивы юного христианина не ясны мне совершенно. Юношеская тяга к риску, к экстриму, как сейчас принято выражаться, выиграла, что ли? Выиграет — что называется, «по закону подлости». Бросится искать убежища на отцовском дворе. Оскорбленные киевляне явятся туда за ним — и услышат от отца горе-экстремала оскорбления в адрес своих Богов. И Феодор, и его сын будут убиты разъяренной толпой. Еще через пять лет князь, возведший святилище и чтивший его человеческими жертвами, предаст древних Богов и прикажет разрушить возведенное им восемь лет назад святилище. Но пока пять Богов высятся за оградой теремного двора киевских князей.

Это свидетельство летописи по-настоящему неповторимо. Ни в ней, ни где-либо в других русских источниках мы более не находим описания святилищ наших Языческих предков. Более того — в русской средневековой книжности мы нечасто встретим и сами упоминания Языческих Богов. Собственно, в летописи, кроме этого места, они упоминаются разве что в договорах Языческой Руси с Византией (точнее, один из них, Пе-

рун), то бишь в цитате из другого документа. Более того, в почти единственном жанре средневековой русской литературы, кроме летописи, который упоминает «кумиры» язычников, в жанре, в котором без них просто не обойтись — в поучениях против язычников и двоеверцев — списки Богов явно отдают «списыванием» с летописного перечня кумиров, возведенных будущим крестителем Руси. Судите сами, читатель:

«Слово об идолах»: *Перун, Хорс, Макошь* и Вилы (в виду, конечно же, имеется не сельхозинвентарь, а крылатые девы, своего рода воздушные русалки, культ которых прожил значительно дольше у южных (сербы, болгары) и западных (чехи, моравы) славян. Под слегка измененными именами они попали в либретто балета «Жизель» (виллисы) и... одного из романов о Гарри Поттере (вейлы). В ином месте того же «Слова об идолах» — *Перун, Хорс, Макошь, Переплут, Род* и Рожаницы.

«Слово христоролюбца»: *Перун, Хорс, Макошь* и Вилы, *Симаргл, Род* и Рожаницы.

«Слово Иоанна Златоуста»: *Перен, Хурс, Макошь*. В ином месте — *Стрибог, Дажьбог, Переплут*.

И уж конечно, влияние этого перечня заметно там, где и рассказывают про Владимира — в его житии («и изби вся идолы: Перуна, Хърса, Дажьбога, Мокошь и прочая все идолы»), в «Памяти и похвале» Иакова Мниха («поганьскы Боги, паче же и бесы, Перуна и Хърса, и ины многы попра»).

Слово сказано — «бесы». Именно в этом причина поразительной сдержанности рассказывающих о Язычестве книжников, чаще всего — людей церковных. Для средневековых христиан Боги их Языческих предков —

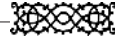
и немалою числа современников — отнюдь не были какими-нибудь безобидными «литературными образами» или «олицетворением явлений природы». «Боги языцей — бесы!» возглашает верховный авторитет христиан, считающееся вдохновенным самим Господом Священное писание. И Ветхий Завет, и Новый вполне единодушны в этом вопросе (Втор, 32, 16—17, Пс. 105, 37, Коринф, 10, 20). А потому — «Не вспоминайте имени богов их» (Ис. Нав. 23, 7) и «не помяну их имен устами моими» (Пс. 15, 4). Что ж, по-своему разумно — ведь до сих пор говорят: «Помяни черта — и он явится».

Еще в XVII веке безымянный автор Густынской летописи и создатель «Слова об идолах Владимировых», окрестившийся в православие прусский выходец И. Гизель сочли совершенно необходимым подчеркнуть, что описываемые ими Боги — «бесы», «пекельные» — т.е. адские Боги. Авторы сразу заявили, что говорят об этом «бесовском отродье» не как о достойных воспоминания, но ради доказательства «дьявольской» и «безумной» природы Язычества.

Вот как долго христианские авторы обставляли извинениями и «идеологическими» экивоками всякое упоминание о Языческих Божествах¹!

Надо сказать, суровое отношение к их упоминанию — даже чисто литературному — церковь сохрани-

¹ На фоне такого отношения бросается в глаза «Слово о полку Игореве», спокойно упоминающее Языческих «бесов», но ни разу не упомянувшее Христа, святых, «православную христианскую веру». Впрочем, этот вопрос слишком обширен и слишком далеко уведет нас от нашей темы.

ла до «просвещенного» XVIII столетия включительно¹. В 1786 году архиепископ Платон объявил «сумнительными и могущими послужить к разным вольным мудрствованиям» романы о Языческой Руси Василия Левшина, бывшего своего рода предтечей нынешнего «славянского фэнтези» и вдохновившего Пушкина на поэму «Руслан и Людмила». И если сегодня даже, в начале XXI века, иеромонах Василий Уткин пишет «под именем Перуна и Святовита поклоняется он (язычник — **О.В.**) реальным духовным силам ада», то можно себе представить, насколько серьезнее все было в Средние века!

Поэтому ясно, отчего авторы поучений против Язычества и двоеверия век за веком повторяли и цитировали приведенный в летописи список «бесов». Этим как бы отводили от себя гнев Христов — а кто-то и их устрашающее внимание. Ведь это же не они называли Перуна, Хорса «и иных многих» — это автор летописи! И грех вроде бы меньше. Ведь не сами ж — за святым Нестором повторяем!

Впрочем, через полтысячи лет после написания «Повести» и через три столетия после того, как отгорели огни последних погребальных костров и жертвенников

¹ Любопытной иллюстрацией к воззрению христиан на Языческих Богов служит книга «Религия московитов», вышедшая в Лейпциге еще в 1717 году. На содержащейся в ней гравюре Боги капища 980 года — Перун, Мокошь, Стрибог, Хорс и другие — изображены с собачьими и кошачьими мордами, копытами, рогами, длинными ушами и прочими чертами нечисти. От этой книги счел необходимым предостеречь своих читателей еще Андрей Кайсаров в «Славянской и российской мифологии» в 1804 году, однако историк (!) А.А. Бычков считает возможным сослаться на эту карикатуру еще в начале XXI столетия.

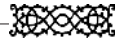

русских язычников, страх перед «бесами» поутих, напротив, пробуждался интерес к вере пращуров. Возникло желание узнать про них побольше — а спрос, как известно, рождает предложение. И список начали расширять, что называется, правдами и неправдами. К перечню Богов на киевском холме присоединяли то имена Богов и Богинь, по всей видимости действительно почитавшихся славянами, но в списке «Повести» не значившихся — Велеса, Ладу, Лелю, то названия Языческих праздников — Купала, Коляда¹.

Доходило до совершенных недоразумений: иноземец Гербенштейн, австрийский дипломат XVI века, прочел — и записал в своем сочинении — летописное «ушь златъ» как «Услад» — и «бог» с таким именем на долгие годы водворился в книгах по религии славян, да и сейчас еще обретается в любительских «Словарях славянской мифологии» и сочинениях иных «неоязычников». Был еще один путь «умножения» киевских Божеств — непонятные по древности имена начинали «толковать» в меру своих способностей. Особенно «повезло» бедному Семарьглу², которого еще в XIV веке разложили на «Сема» и «Ерьгла» (Сима и Регла, Сима и Рыла и т.д.). Под пером польских толкователей он превратился в «Зимерзлу» («богиню» зимы — от слова «замерзнуть», конечно), «Зимцерлу» («богиню» зари — очевидно, от слова «мерцать») и «Зимстерлу»

¹ Впрочем, такая постановка вопроса — Языческий Бог или олицетворение праздника — не совсем осмысленна. У язычников бывают Божества, «отвечавшие» за тот или иной отрезок времени — римский Ватикан, скажем, или русские Полудницы, можно также вспомнить святую Пятницу и святую Середу «народного православия». Однако нам важнее, что летопись таких «кумиров» на киевском холме не упоминала.

² Я настаиваю на именно таком написании этого имени, причины чего подробно разъясню при рассмотрении образа этого Божества.

(«богиню» весны — «зиму стирающую»). Чуть меньше досталось Хорсу, «превращавшемуся» в «Корса», по созвучию со словом «корец» — ковш — обращенного позднейшими книжниками в эдакого «русского Бахуса», и в «Хворста» — «бога болезней». Особенно хорошо, что в иных изданиях по Язычеству обретаются разом и Семарьгл, и «Зимцерла» с «Зимерзлой», и Хорс, и «Корс», и «Хворст»!

Очень заметно, что все эти измышления шли большей частью от модного тогда представления о «жизнерадостном» Язычестве — «розовом вине и ляжкам нимф среди цветов», как ядовито замечал валлиец Артур Мэйчен в статье «Язычество». Отсюда и старательные поиски «славянского Диониса» в лице «усладов» и «корсов», и размножение всевозможных «богинь».

Обсуждая облик Перуна, позднейшие книжники также проявили немало фантазии. Так, поляк Стрыйковский в XVI веке переделал «золотые усы» Перуна, уже превращавшиеся в отдельное «божество», в «золотые уши» и, может быть, по примеру известных ему идолов литовского громовика Перкуна¹ наделил киевский кумир железными ногами, «громовым камнем» в руке, глазами-рубинами. Поэт XVIII столетия, масон Херасков, в

¹ В XIX веке в городе Вильно (современном Вильнюсе) при ремонте дома богатого купца XV века выстучали в стене гулкое пустое пространство. Естественной, первой мыслью нашедших было «Клад!». Однако на самом деле это оказалась потайная молеельня, единственным ценным предметом в которой был золотой кумир Перкуна на алтаре. Видимо, купец, вынужденный притворяться католиком, не желал забывать Богов Пращуров. Причем дом этот, названный впоследствии «домом Перкуна», стоял через дорогу от собора святой Анны! Во время Первой мировой войны идол, к тому времени, конечно, прописавшийся в музей, был эвакуирован в Петроград. Однако из всех составов, шедших в это время в восточном направлении по густонаселенной, тесной Литве, именно этот загадочно и необъяснимо пропал — а вскоре людям стало не до древних кумиров, пусть и трижды золотых. Цел ли сейчас золотой Громовержец и где находится — неизвестно.

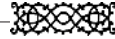

своей «Владимириаде» воспевший крестителя Руси и, понятное дело, ругательски изругавший Язычество, счел золотые усы скучными и неинтересными и снабдил описанный им кумир Громовержца золотыми... рогами: «Златые на челе имел велики роги». Как видим, даже мasons-просветители, в трогательном единодушии с православными монахами, видели в Русских Богах «бесов рогатых».

Примерно тогда же расцвело буйным цветом обыкновение объяснять славянских Богов — прежде всего именно из «киевского перечня» — через знакомые «всякому образованному человеку» того времени мифы Эллады и Рима. Началось еще со средневековых западнославянских авторов. Из тех же соображений, что и их русские коллеги и современники, они опасались воспроизводить подлинные славянские имена Богов. Только они нашли другой выход из щекотливого положения. Вместо того чтоб отмалчиваться или повторять чужие слова, западнославянские авторы подменили «опасные» имена античными (видно, античные «бесы»-Олимпийцы, уже много столетий как «повергнутые» крестом, считались менее опасными¹). Козьма Пражский «заставляет» чешских язычников, своих предков, упоминать Марса, Юпитера, Беллону и «зятя Цереры». Латинскими и греческими именами поясняет славянских Богов «Хроника нотариуса короля Белы», словарь «Mater verborum» («Матерь слов») в XIII веке.

Во времена Возрождения традицию продолжили из

¹ Но и они вполне безопасными не считались. Еще прабабка автора этих строк ругалась: «Подь ты к Ефесту!» Отчего именно кузнец античного Олимпа так не глянулся прабабушке, что она направляла к нему всех, кем была недовольна — непонятно, а у нее уже не спросишь.

иных соображений — славянское Язычество, особенно в высших слоях общества, среди людей, читавших и писавших книги, прочно отошло в прошлое. Польский пан, современник Длугоша, Меховского, Стрыйковского, Перуна уже вряд ли знал, зато Юпитера — отлично. Его крепостные, правда, в это самое время чествовали Перуна и Дажьдбога жертвами и песнями, но не станет же ясновельможный шляхтич, наипаче — образованный, обращать внимание на темные суеверия грязных хлопов!¹

Поневоле вспоминается случай с некоей интеллигентной дамой, зашедшей в конце 1970-х — начале 1980-х в церковь. Батюшка, заметив, как она вглядывается в купольный образ Христа, подошел к ней — и был наповал сражен простодушным вопросом: «А это у вас там кто — Зевс?»

Некоторые вещи не меняются...

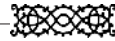
Мода таким образом комментировать славянскую мифологию просуществовала многие века, дожив до конца XVIII столетия, когда ей отдали дань и неприметный Левшин, и титан Ломоносов («Сей богом грома и молний почитавшийся Перун был Зевс древних наших предков», «древнее многобожие в России, сходствовав-

¹ Впрочем, в Западной Белоруссии был один случай, когда, можно сказать, шляхтич впрямую столкнулся с Языческим Богом — некий пан Норкун приехал в Перунов день плетью гнать своих хлопов, чествовавших Громовержца, на барщину. Немедленно появилась грозовая туча, вскоре затмившая все небо. Пан со словами: «Ты Перун, я — Норкун!», выстрелил в тучу из ружья (!) (Судя по этой детали, дело было не ранее XVII века.) В ответ ударила молния, конь шляхтича-богоборца был убит на месте, а всадник — парализован. Поправившись, очень впечатленный этим случаем пан не только перестал препятствовать чествованию Громовержца, но и заповедал своим потомкам блюсти его день. Предание было записано в конце 1970-х годов от 80-летнего старца, еще заставшего этот праздник. Коня, однако же, жалко.

шее с греческим и римским» и т.д.). Первый издатель «Слова о полку Игореве» в сноске к имени Стрибога поименовал его «славенским Эолом» еще в 1800 году. Особенно увлекались такого рода сопоставлениями авторы всевозможных «Абевег славянских суеверий» и «Славянских и российских мифологий», в конце XVIII — начале XIX столетия, в духе модного энциклопедизма, обобщавшие скудные сведения о славянских Богах и духах, как правило, в алфавитном порядке. Чулков, современник Левшина и его соперник в праве называться дедушкой славянского фэнтези, писал про «Полеля», который есть «славенский Гименей, сын Ладин», и про волотов — «сии страшилища были великаны и значили у славян то же, что у греков Гиганты». Еще один их общий современник и конкурент Попов величал Хорса «Славянским Эскулапом». Андрей Кайсаров, в начале следующего столетия, сравнивал русалок с нимфами и наядами, леших — с сатирами, Леля называл Купидоном. Можно сказать, что это была первая ласточка сравнительной мифологии, самые первые, младенческие шаги подхода, которому в грядущем предстояло «вырасти» в солидный научный метод. В равной мере и сопричтение к киевскому перечню Лады, Лели, Купалы и прочих были первыми попытками выстроить стройную картину славянского Язычества и привлечь для этого материалы этнографии — эти задачи впоследствии также будут решать многие ученые. Однако к героям нашей книги — Богам, чьи кумиры были возведены на киевском холме за восемь лет до крещения, — все это имело довольно слабое отношение.

Надо отметить Михайлу Васильевича Ломоносова. Титан русской науки и здесь оказался на высоте — он едва ли не первым со времен Возрождения не стал при-

украшивать на свой вкус перечень киевских кумиров «Усладами» и «Колядами». Он же, описывая Перуна, не стал, в отличие от иных авторов, снабжать его «золотыми ушами» или «золотыми рогами», а добросовестно повторил летописное описание. В теории о значении Божеств киевского святилища Михайло Васильевич вдаваться не стал, а только отметил, что летописец-де ничего об этом не говорит, просто перечисляя имена.

И для исследователей всей русской истории, и для исследователей русского Язычества тема возведенного Владимиром святилища казалась... слишком проходной, что ли. Рассматривались более глобальные, объемные вопросы: летописные варяги — скандинавы это или славяне? Какие из летописей достоверны, какие — нет? Мифологи выстраивали величественные картины битвы Громовника с его врагом — «воплощением тучи» — за сокровища или красавицу — «воплощение Солнца», разрабатывали неисчерпаемую золотую жилу славянского фольклора.

Однако некоторое внимание киевским Богам уделяли. Как-то исподволь установилось мнение, что устроенное Владимиром святилище было его же, Владимира, собственной выдумкой. Так и пошло — «Владимировы боги», «Владимиров пантеон». Часто добавляли, что Владимир уже тогда видел неприспособленность Русского Язычества для государства (как будто не было до и после Владимира Языческих держав — Египта, Ассирии, Эллады, Рима, Золотой Орды, Китая, Японии и многих, многих других), вот и пытался его «реформировать», «упорядочить» — что своего порядка в «этой стране», конечно, не было и не могло быть, «образованной публике» уже тогда было «совершенно ясно». Как писал А.К. Толстой, пародируя официальные «Истории

государства Российского», «Страна у нас богата, порядка только нет».

П.М. Строев еще в 1815 году высказал мысль, что в числе тех Божеств, кумиры коих были возведены Владимиром, славянскими были только Перун, Стрибог и Дажьбог. Мокошь, Семарьгла и отделенного от Дажьбога Хорса он считал Богами неславянских племен. «Владимир.., кажется, сделал только то, что почитаемых разными Славянскими, Финскими племенами (может быть, также и Варягами) богов собрал в одно место и, так сказать, объявил их общими целого Государства и его покровителями. Самая здравая Политика не могла бы приискать ничего лучшего для совершеннейшего и неразрывного соединения разных народов, составлявших тогда Владимирово Государство, как дать им общую религию, составив ее из почитания всех тех божеств, кои порознь у каждого или, по крайней мере, у главнейших из них находились...». Итак, по мысли Строева, Владимир собрал воедино Божества всех племен своей державы из политических соображений (когда позднее ученые-атеисты стали объяснять чисто политическими соображениями крещение «святого» Владимира, православные очень обижались... как говорится, «а нас то за что?»). Точно так же когда-то поступил правитель Римской империи Адриан, во втором веке воздвигший в своей столице гигантское здание, под куполом которого объединил статуи всех наиболее почитаемых Богов своей страны — тут нашлось место и Олимпийцам эллинов, и азиаткам Астарте и Кибеле, и египетским Исиде и Осирису. Здание так и назвали — Пантеон, от греческих слов «Пан» — все, и «тео» — Бог. Пантеон — Всебожье. Так и повелось величать кумиров пяти Богов «киевским Пантеоном» или «Пантеоном Владимира». То же истолкование давали ему большинство ученых (по-